

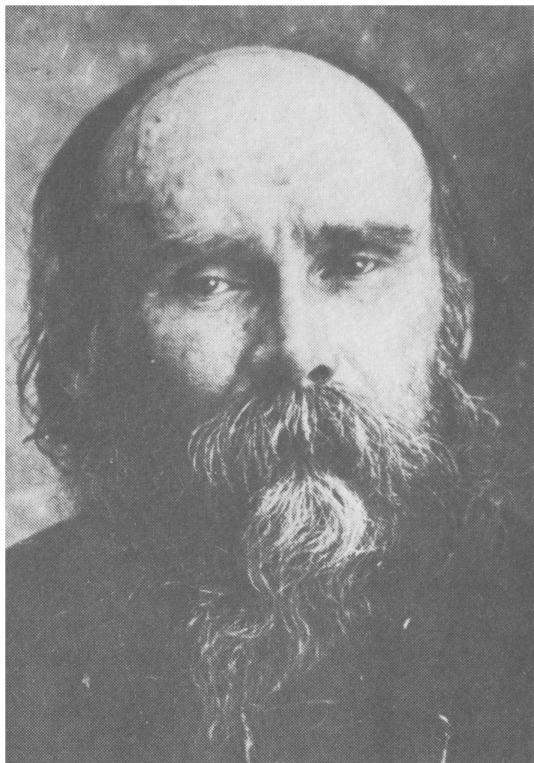
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 45 1991

Николай КЛЮЕВ

**ПЕСНЬ О ВЕЛИКОЙ
МАТЕРИ**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 45

Издается с января 1925 года

Николай КЛЮЕВ

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ

Москва. 1991

ВЕСТНИК КИТЕЖ-ГРАДА

Сегодня праздник русской поэзии. Найдена «Песнь о Великой Матери» Николая Клюева. Рукопись этой поэмы обнаружена в необычном месте — в архиве КГБ, где она пролежала с грифом «Совершенно секретно» пятьдесят семь лет, с момента ареста автора в 1934 году. Теперь ее будет «Хранить вечно» народная память.

Исключительные художественные достоинства поэмы, масштаб и значительность, редкостная судьба таковы, что невольно приходит на ум второе рождение другого памятника нашей словесности — «Слова о полку Игореве». «Песнь» так же величаво всплывает из хляби времен, из забвения, и как «Слово» было спасено от татарского ига, так теперь «Песнь» — от ига бесчеловечной, безбожной власти.

Эту поэму еще долго будут изучать и толковать исследователи, она неизбежно дополнит и изменит наши представления о русской поэзии двадцатого века, напитает и оживит творчество современных поэтов. Сейчас самое важное — с открытым сердцем ее прочесть и перечитать, принять в душу каждого и в общее лоно культуры.

Об этой поэме давно ходили слухи и легенды. Современники Клюева вспоминали, как читал поэт отрывки из нее, вписывал в альбомы знакомым. Известен лишь начальный фрагмент, хранившийся в бумагах близкого друга Клюева — художника А. Н. Яр-Кравченко (Н. Клюев. Завещание. М. Библиотека «Огонек» № 22, 1988). В Томске ссыльный поэт часто навещал дом В. В. Ильиной, которая потом вспоминала: «Прекрасны были его отрывки из неоконченной поэмы о матери, особенно в его передаче. Многие он забыл и дополнял просто рассказом. Мы очень просили его записать хоть то, что он помнит, но он этого не сделал и продолжить ее уже не мог...» Однако другой свидетель, литературный критик и литературовед Р. В. Иванов-Разумник, хорошо знавший Клюева и получавший от него письма из ссылки, говорит: «Там он жил в самых ужасных условиях, но продолжал заканчивать «Песнь о Великой Матери» и писал такие стихи, выше которых еще никогда не поднимался...»

Лучшие, самые зрелые и выстраданные стихи Клюева, в том числе и первая часть «Песни», вместе с письмами, хранились в квартире Иванова-Разумника в Пушкине (Царском Селе). И погибли при фашистском нашествии зимой 1941—1942 годов. Была у Иванова-Разумника и вторая часть поэмы, которую он сумел переслать из своей ссылки писателю Николаю Архипову, в то время — хранителю Петергофского дворца-музея. Тот спрятал рукопись на одной

из высоких кафельных печей в дворцовом зале: Но и это не спасло. Вскоре Архипова арестовали, а Петергофский дворец разрушила война.

Поэма была потеряна. Навсегда — так думал и сам Клюев. В июле 1935 года он писал из ссылки жене Сергея Клычкова В. Н. Горбачевой: «Пронзает мое сердце судьба моей поэмы «Песнь о Великой Матери». Создавал я ее шесть лет. Сбирал по зернышку русские тайны... Нестерпимо жалко...»

И вот поэма — перед нами, чудесная, как град Китеж, поднявшийся со дна Светлояра.

Что представляет собой рукопись? Это пачка больших листов разного формата, исписанных рукой поэта, его своеобразным почерком, со всеми следами мук творчества — исправлениями, вычеркиваниями, вариантами, пометками. Поэма огромная — около четырех тысяч строк. Пришлось сначала собирать ее, составлять по листочку из вороха разнообразных бумаг. Немалое время ушло на расшифровку, переписку и анализ текста, выяснение темных мест, работу со словарями... Впрочем, время и место для работы на Лубянке было предоставлено, это главное. И остается только поблагодарить тех работников КГБ, которые в нынешнее тревожное время помогают нам в непростом деле поиска и возвращения нашего литературного наследия.

Теперь же, в результате постепенного снятия секретности с этих материалов, рукопись будет доступна для ученых: ксерокопия ее передается во Всесоюзную комиссию по наследию репрессированных писателей СП СССР, а оригинал поступит в обычное государственное хранение. Моей задачей — как представлял писательской Комиссии — было как можно скорее отдать поэму читателю, чтобы ее прочитали все!

Найденная рукопись состоит из трех частей, или, как назвал одну из них сам Клюев — «гнезд». Интонация часто меняется, повествование чередуется с лирическими отступлениями, прямой голос автора то и дело врывается в стих — то ностальгией, то объяснением в любви, то грозным пророчеством. Поэма не закончена, хотя внутри текста есть запись с планом продолжения. Обозначены и годы, когда создавалась поэма, — 1930—1931-й. Там же дан вариант названия — «Последняя Русь».

В самых общих чертах содержание можно определить так: первая часть — юность матери, вторая — детство и юность героя-автора, третья часть — мировая война, конец старой России и надвигающиеся на нее новые бедствия. История дана изнутри уже советского времени — его Клюев бескомпромиссно рисует как Апокалипсис, царство Антихриста.

Этим, конечно, не исчерпывается содержание, поэма столь полифонична, многопланова, что вмещает в себя и прошлое, и настоящее, и даже будущее России, то, которое мы сейчас переживаем. Разве не о нас всех в грозный час Чернобыля — веющее слово поэта?

...Тут ниспала полынная звезда, —
Стали воды и воздуши желчью,
Осмердили жизнь человечью.
А и будет Русь безулыбной,
Стороной нептичной и нерыбной!.

Троцкий в свое время верно угадал в Клюеве «двойственность мужика, лапотного Януса, одним лицом к прошлому, другим — к будущему». Думал, что заклеймил — на самом деле воздал хвалу. Так опростоволохился перед истинным величием «образованность наша вонючая» (выражение Клюева)!

Прообраз главной героини «Песни» — мать поэта Прасковья Дмитриевна. Клюев писал о ней: «Отроковицей прилепилась родительница моя ко всякой речи, в которой звон цветет знаменный, крюковой, скрытный, столбовой... Памятовала она несколько тысяч словесных гнезд стихами и полууставно, знала Лебеда и Розу из Шестокрыла, огненные письма протопопа Аввакума и много другого, что потайно осоляет народную душу — слово, сон, молитву, что осолито и меня до костей, до преисподних глубин моего духа и песни...» И еще: «Тысячи стихов, моих ли, или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распева моей светлой матери...»

Плачая и сказительница, «златая отрасль Аввакума», мать научила поэта грамоте и тайнам слова, укрепила в вере — древней вере предков — старообрядцев. Тут будет кстати напомнить суждение Андрея Платонова о старообрядчестве — этом, еще не разгаданном, скорее загаданном нам явлении: «Старообрядчество — это серьезно, это всемирное принципиальное движение; причем — из него неизвестно что могло бы еще выйти, а из прозресса известно что...»

Многие исследователи считают, что мать Клюева была склонна к крестьянскому христовству (в просторечии — хлыстовству) — с его тягой к Небу, стремлением обожиться, преодолеть земное тяготение, смерть. Для хлыстов Христос и Богородица — не исторические фигуры, не абстрактные символы, а достижимый идеал — при сильном порыве высь и даре свыше любая женщина может стать Богородицей, любой мужчина — Христом. Как непохожа эта светлая дерзость на ту карикатуру, которую делал из хлыстов атеизм! Без этой духовной ипостаси клюевской матери мы никогда не поймем.

Ей — матери — поэт отдал весь жар сердца, посвятил лучшие стихи. И Параша «Песни», несомненно, войдет в ряд прекрасных образов русских женщин, известных в истории и литературе. Не надо, однако, искать в поэме точные соответствия действительности, это не сколок с нее, а поэтическое преображение, не биография, а житие, не прямая реальность, а миф — высшая правда жизни. И Великая Мать у Клюева, конечно, не только его физическая и духовная родительница, но и вся родина — Россия, и Мать Сыра Земля, и Богородица — всеобщее космическое животворящее начало, Душа Мира.

«Бог и природа есть все одно, — говорит в «Бесах» Достоевского Мария Тимофеевна Лебякина. — Шенни мне одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: «Богородица что есть, как мнишь?» — «Великая мать», — отвечаю, — упование рода человеческого». — «Так, — говорит, — Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость...»

Такое понимание очень органично для русской духовности, мы найдем ему соответствие у Владимира Соловьева, Николая Федорова, Павла Флоренского, Сергея Булгакова, а еще более — в сокровенной, «поддонной» философии самого народа, которая и до сего времени для нас — тайна, и уже не столько по вине властей или КГБ, — по нашему собственному неразумию и малости, из-за недостатка внутренней свободы, духовного простора. В этом смысле поэма Николая Клюева может стать могучим стимулом для нашего самосознания, только еще выбира-

ющегося из большевистского затмения. Есть у России своя идея, своя мечта, вместе со всем человечеством, но — свой путь во времени. Ищите — и обряцете.

Кульминация в поэме достигается к концу — это бегство героя и его «посмертного друга» — в нем угадывается Есенин: «Бежим, бежим, посмертный друг, от черных и от красных вью!» — из проклятого настоящего, и навстречу им, за «последним перевалом» — мистическое шествие с хоругвями русских святых. Эта картина, исполненная высшей поэзией и светом, не только озарение, в ней заключен громадный провиденциальный смысл. Христос — не впереди отряда красногвардейцев, как у Блока, он выходит на встречу поэтам! И слияние душ — живой и иконной — рисуется как подготовка к отплыву в невидимый Град-Китеж, который, по Клюеву, — вовсе не прошлое России, а будущее ее.

Современный Апокалипсис и грядущее преображение, воскресение России — эти темы пронизывают всю поэму. «Песнь» — не просто поэтическая мечта, утопия. Клюев родился, чтобы подать нам пророческую весть о глубинной, сокровенной судьбе Родины. Русь — Китеж. Град видимый падет, чтобы в муках поднялся Град Невидимый, чаемый, заветный.

Безбожие свиной хребет
О звезды утренние чешет,
И в зыбуны косматый леший
Народ развенчанный ведет,
Никола наг, Егорий пеший
Стоят у китежских ворот!..
Но дивен Спас! Змею копыта,
За нас, пред ханом павших ниц,
Егорий вздыбит на граните
Наследье скифских кобылиц!

Жанр поэмы — лирический эпос, сказание, в ней Клюев предстает как единственный в русской, да и во всей мировой поэзии мифотворец двадцатого века. Миф, эпос. Не старое или новое — вечное. Это книга народной судьбы — «мужицкие Веды». Здесь и речи не может быть о какой-то стилизации «под народ», Клюев говорит от имени и голосом народа, он сам — народ. Поэма прямо восходит к «рублевским заветам» — в иконописи и зодчестве, старопечатных книгах и церковной музыке, но более всего — к фольклору, народному песнетворчеству — или исходит от них. А еще глубже, в человеческой истории, она подхватывает и несет тот священный озон, который с христианством перешел на Русь от высоких светильников Византии и Эллады.

Клюев — заповедник русской духовности и красоты. Но надо признать, что его у нас еще не знают. В полном объеме он до сих пор не напечатан (наиболее обширное собрание его сочинений в двух томах было издано в 60-е годы и, как это часто у нас случается, — не дома, а за рубежом, в Германии!). А то, что напечатано, не просто достать — и мало кем прочитано. Да и труден он для понимания в наш суетный, скоропалительный век, неподъемен, непосилен — для заурядного бытового мышления. И тут уж требуется от нас, читателей, сознательное усилие навстречу, собственный духовный порыв, сотворчество.

*Светлому внуку незрим,
Дух мой в чернильницу канет,
И через тысячу зим
Буквенным Сирином станет...*

(«Песнослов», 1919 г.)

«Песнь о Великой Матери» — не осколок прошлого, а явление как нельзя более современное. Это приток свежей крови в нашу культуру, в наше сознание. И мы, в последнее время привыкшие больше ругать свое Отечество, получив такое наследство, видим, что резервы нашего духа отнюдь не исчерпаны. Читая поэму, ловишь себя на мысли: Бог ты мой, чего мы были лишены! И как все-таки богаты! Нас убивают, травят, рубят на корню, а мы вопреки всему еще удивляем мир духовными взлетами. Что было бы — обрети наш народ свободу!

Поэма «работает» не в узком историческом промежутке, а в тысячелетней истории России. Цену своего поэтического, вечного Слова — слова народной правды, в отличие от слова политического, обслуживающего злобу дня, Клюев хорошо сознавал.

*По мне Пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью,
Лишь вечность крестом обозначит
Предсмертную песню мою...*

*И будет два солнца на небе,
Две раны в гремящих веках, —
Пурпурное — в Ленинской требе,
Сермяжное — в хвойных стихах.*

(1919 г.)

«Песнь о Великой Матери» — знак надежды нам, изверившимся, истерзанным Смутным временем, послание убиенного антихристовой властью великого поэта, Баяна двадцатого века, который только теперь говорит с нами во весь голос. Имеющий уши — услышит.

Виталий Шенталинский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

< * * * >

Мы жили у Белого моря,
В избе на лесном косогоре:
Отец богатырь и рыбак,
А мать — бледно-розовый мак
На грядке, где я, василек,
Аукал в хрустальный рожок.

На мне пестрядная рубашка,
Расшита, как зяблик, запашка,
И в пояс родная вплела
Молитву от лиха и зла.

Плясала у тетюшки Анны
По плису игла неустанно
Вприсядку и дыбом ушко, —
Порты сотворить не легко!
Колешки, глухое гузёнце,
Для пуговики совы оконце,
Карман, где от волчьих погонь
Укроется сахарный конь.

Пожрали сусального волки,
Оконце разбито в осколки,
И детство — зайченок слепой
Заклевано галок гурьбой! <...>

* * *

Ей было восемнадцать весен,
Уж Сирин с прозелени сосен
Не раз налаживал свирель,
Чтобы в крещенскую метель
Или на красной ярой горке

Параше, по румяной зорьке,
Выиграть сладчайшее люблю...
Она на молодость свою
Смотрела в венеицкий складень,
При свечке, уморясь за день,
В большом хозяйстве хлопоча.
На косы в пядь, на скат плеча
Глядело зеркало со свечкой,
А Сирина, притаясь за печкой,
Свирель настраивал сверчком,
Боясь встревожить строгий дом
И сердце девушки пригожей.
Она шептала: «Боже, Боже!
Зачем родилась я такой,—
С червонной, блёскою косой,
С глазами речки голубее?!
Уйду в леса, найду злодея,
Пускай ограбит и прибьет,
Но только душеньку спасет!..
Люблю я Федю Стратилата
В наряде, убранном богато
Топазием и бирюзой!..
Егорья с лютою змеей,—
Он к Алисафии прилежен...
Димитрий из Солуна реже
Приходит грешнице на ум,
И от его иконы шум
Я чую вещей, многокрылый...
Возьму и выйду за Вавила,
Он смолокур и древодел!..»
Тут ясный Сирина не стерпел
И на волхвующей свирели,
Как льдинка в икромет форели,
Повывел сладкое «люблю»...
Метель откликнулась: фи-ю!..
Параша к зеркалу все ближе,
Свеча горит и бисер ниже,
И вдруг расплакалась она —
Вавилы рыжего жена:
«Одна я — серая кукушка!..
Была б Аринушка подружка,
Поплакала бы с ней вдвоем!..»
За ужином был свежий сом.
«К Аринушке поеду, тятя,—
Благословите погостить!»
«Кибитку легче на раскате,—
Дорога ноне, что финить,
В хоромах векше не сидится!..
Отец обычаем бранится. <...>

* * *

Деревня, милое поморье,
Где пряжа тянет волокно,
Дозоря светлого Егорья
В тысячеветное окно!
Прискачет витязь из тумана,
Литого золота шелом,
Испепелить Левиафана
Двоперстным огненным крестом!
Чтоб посолонь текли просонки,
Медведи-ночи, лоси-дни,
И что любимо искони
От звезд до крашеной солонки
Не обернулось в гать и пни!
Родимое, прости, прости!
Я, пес, сосал твои молоки
И страстотерпных гроздий соки
Извергнул желчью при пути!
Что сталося со мной и где я?
В аду или в когтях у змея,
С рожком заливчатым в кости?
Как пращур, я сын двоперстья,
Христа баюкаю в ночи,
Но на остуженной печи
Ни бубенца, ни многоверстья.
Везет не дядя Евстигней
В собольей шубоньке Парашу —
Стада ночных нетопырей
Запряжены в кибитку нашу,
И ни избы, ни милых братьев
Среди безглазой тьмы болот,
Лишь пни горелые да гати!
Кибитку легче на раскате —
Рыданьем в памяти встает.
Спаси нас, Господи Иисусе!
Но запряглися бесы гусем, —
Близки знать адские врата.
Чу! Молонья с небесных взгорий!
Не жжет ли гада свет Егорий
Огнем двоперстного креста?! <...>

* * *

Усни, мой лосенок больной!
По чумам проходит покой,
Он мерности весла несет
Тому, кто отчизну поет.

Смежи своих глаз янтари,
Еще далеко до зари,
Лапландия кроткая спит,
Не слышно оленьих копыт,

Не лает голубый песец,
От жира совьет светец,
За кожаной дверью покой
Стучит в колоток костяной.

Войди и садись к очагу,
Но только про смерть ни гу-гу!
Пускай не приходит она
Пока голубеет сосна,

И трется, линия, олень
О теплый березовый пень!

Покуда цветут берега,
От пули не ноет нога.
И пахарь за кровлю и хлеб
Над песней от слез не ослеп.

Не лучше ли в свой колоток
Пришельцу потренькать часок,
Чтоб милый лосенок янтарь
Смежил, как в счастливую старь!

Где бабкины спицы цвели
Кибиткой в морозной пыли,
Медведем, малиной, рекой
И русской ямщицкой тоской!

Затренькал ночной колоток.
Усни, мой болотный цветок.
Лапландия кроткая спит,
Не слышно ни трав, ни раakit!

Лишь пальцы зайченком в кустах
Плутают в любимых кудрях,
Да сердце — завьюженный чум —
Тревожит таинственный шум.

То стая фрегатов морских —
Стихов острокрылых, живых,
У каждого в клюве улов —
Матросская горсть жемчугов.

У каждого в крыльях закат,
Чтоб рдян был поэзии сад.

Послушай фрегатов, дитя,
В безбрежной груди у меня!

Послушай и крепче усни.
Уж зорче по чумам огни.
С провидящих кротких ресниц
Лапландия гонит ночниц,

И дробью оленьих копыт
Судьба в колотушку стучит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

* * *

...И в горенку входил отец...
«Поставить крест аль голубец
По тестю Митрию, Параша?..»
Неупиваемая чаша,
Как ласточки звенящих лет,
Я дал пред родиной обет
Тебя в созвучья перелить,
Из лосьих мыков выпрясть нить,
Чтоб из нее сплести мережи!
Авось любовь, как ветер свежий,
Загонит в сети осетра,
Арабской черни, серебра,
Узорной яри, аксамита,
Чем сказка русская расшита!
Что критик и газетный плут,
Чихнув, архаикой зовут.
Но это было! Было! Было!
Порукой — лик нездешней силы —
Владимирская Божья Мать!
В ее очах Коринфа злать,
Мемфис и пурпур Финикии
Сквозят берестюю России
И нежной просинью вифезды
В глухом Семеновском уезде!
Кто Светлояра не видал,
Тому и схи́ма — чертов бал!
Но это было! Было! Было!
Порукой образ тихокрылый
Из радонежских лесов!
Его писал Андрей Рублев
Смиренной кисточкой из белки.
Века понатрудили стрелки,
Чтобы измерить светлый мир,

Черемух пробель и сапфир —
Шести очей и крыл над чашей!
То русской женщины Параши,
Простой насельницы избы,
Душа — под песенку судьбы!
Но... многоточие — синицы,
Без журавля пусты страницы...
Увы... волшебный журавель
Издох в октябрьскую метель!
Его лодыжкой в запал
Я книжку ... намарал,
В ней мошкара и жуть болота.
От птичьей желчи и помета
Слезам отмываюсь я,
И не сковать по мне гвоздя,
Чтобы повесить стыд на двери!..
В художнике, как в лицемере,
Гнездятся тысячи личин,
Но в кедре много ль сердцевин
С несметною пучиной игол? —
Таков и я!.. Мне в плач и в иго
Громокипящий пир машин,
И в буйном мире я один —
Гадатель над кудесной книгой!
Мне скажут: жизнь — стальная пасть,
Крушит во прах народы, классы...
Родной поэзии атласы
Не износил Руси дудец, —
Взгляните, полон коробец,
Вот объяр, штоф и канифасы! <...>

* * *

...Я помню месяц неуклюжий
Верхом на ели бородатой
И по козлиному рогатой,
Он кровью красил перевал.
Затворник, бледный, как опал,
В оправе схимы вороненой,
Тягчайше плакал пред иконой
Под колокольный зык в сутёмы.
А с неба низвергались ломы,
Серпы, рогатины, кирги...
Какие тайные враги
Страшны лазурной благостыне?
«Узнай, лосенок, что отныне
Затворены небес заставы,
И ад свирепую облавой,

Как волк на выводок олений,
Идет для ран и заколений
На Русь, на Крест необоримый.
Уж отлетели херувимы
От нив и человеческих гнезд,
И никнет колосом средь звезд,
Терновой кровью истекая,
Звезда монарха Николая, —
Златницей срежется она
Для судной жатвы и гумна!
Чу! Бесы мельницей стучат,
Песты размалывают души, —
И сестрин терем ворог-брат
Под жалкий плач дуваном рушит,
Уж радонежеских лампад
Тускнеют перлы, зори глуше!
Я вижу белую Москву
Простоволосою гуленой,
Ее малиновые звоны
Родят чудовищ на яву,
И чудотворные иконы
Не опаляют татарву!

Безбожие свиной хребет
О звезды утренние чешет,
И в зыбуны косматый леший
Народ развенчанный ведет,
Никола наг, Егорий пеший
Стоят у китежских ворот!
Деревня в пазухе овчинной,
Вскормившая судьбу-змею,
Свивает мертвую петлю
И под зарею пестрядинной —
Как под иудиной осиной,
Клянет питомицу свою!

О Русь! О солнечная мати!
Ты плачешь роем едких ос,
И речкой, парусом берез
Еще вздыхаешь на закате.
Но позабыл о Коловрате
Твой костромич и белоросс!

В шатре Батя мертвый витязь,
Дремуч и скорбен бор ресниц,
Не счесть ударов от сулиц,
От копий на рязанской свите.
Но дивен Спас! Змею копыта,

За нас, пред ханом павших ниц,
Егорий вздыбит на граните
Наследье скифских кобылиц! <...>

* * *

...Стучат сердечные песты,
И жернов-дума мерно мелет
Медыни месяца, метели
И вести с Маточкина Шара,
Где китобойные стожары
Плывут на огненных судах,
И где в седых зубастых льдах
Десятый год затерт отец,
Оставя матери ларец
По весу в новгородский пуд —
Самосожженцев дедов труд.
Клад хоронился в тайнике,
А ключ в запечном городке
Жил в колдобоине кирпичной,
И лишь по нуде необычной
На свет казал кротовые рыльце.
Про то лишь знает ночь да крыльца.
Избу рубили в шестисотом,
Когда по дебрям и болотам
Бродила лютая Литва,
И словно селезня сова,
Терзала русские погосты,
В краю, где на царевы версты
Еще не мерена земля.
По ранне-синим половодьям,
К семужьим плесам и угожьям
Пристала крытая ладья.
И вышел воин исполин
На материк в шеломе — клювом,
И лопь прозвала гостя — Ключев —
Чудесной шапке на помин!
Вот от кого мой род и корень,
Но смыло все столетий море,
Одна изба кольчужной рубки
Стоит пред роком без отступки,
И ластами в бугор вперся,
Все ждет, когда вернется князь.
Однажды в горнице ночной,
Когда хореk крадется к курам
И поит мороком каурым
Молодок теплозобых рой,
Дохнула турицею лавка,
И как пищальная затравка,
Зазеленелись деда взоры:

«Почто дружиною поморы
Не рятят тушинских воров,
Иль Богородицы покров
Им домоседная онуча?
И горлиц на костер горючий
Не кличет Финист-Аввакум?
Почто мой терем, словно чум,
Убог и скуден ратной сбруей,
И конь, как облако, кочует
Под самоедскою луной?!
Я князь и вотчиной родной,
Как раб, не кланяюсь Сапеге!
Мое кормленье от Онеги
До ледяного Вайгача,
Шелом татарского меча
Изведал с честью не однажды...
Ах, сердце плавится от жажды
Воздать обидчикам Руси!..
Мой внук, немедля приноси
Заклятый ключ — стальное рыльце!»
И выходили мы на крыльца
Под желтоглазую луной,
И дед на камень гробовой,
В глубоком избяном подполье,
Меня сводил и горше соли
Поил кровавой укоризной:
«Вот булава с братиной тризной,
Ганзейских рыцарей оброк,
Златницы, жемчуга моток,
Икры белужниной крупнее!
Восстань, дитя, убей злодея,
Что душу русскую, как моль,
Незримо точит в прах и боль,
Орла Софии повергая!..»
И до зари моя родная
Светца в те ночи не гасила.

* * *

«Николенька, меня могила
Зовет, как няня, тихой сказкой,—
Орлице ли чужой указкой
Господне солнце лицезреть?
Приземную оставя клеть,
Отчалю в Русь в ладье сосновой,
Чтобы с волною солодовой

Пристать к лебяжьим островам,
Где не стучит по теремам
Железным посохом хромец,
Тоски жалейщик и дудец.
Я умираю от тоски,
От черной ледяной руки,
Что шарит ветром листоделом
По перелесицам, озерам,
По лазам, пастбищам лосиным,
Девичьим прялищам, холстинам,
В печи по колобу ржаному,
По непоказному, родному,
Слезе, молитве, поцелую.
Я сказкою в ином ночую,
Где златоносный Феодосий
Святителю дары приносит,
И Ольга черпает в Корсуни
Сапфир афинских полнолуний, —
Знать, неспроста Нафанаил
Меня по гречески учил,
А по арабски старец Савва!..
Меж уток радужная пава,
Я чувствую у горла нож
И маюсь маятой всемирной —
Абаза песенкою пирной,
Что завелась стальная вошь
В волосьях времени и дней, —
Неумолимый страшный змей
По крови русский и ничей!» <...>

ГНЕЗДО ТРЕТЬЕ

* * *

Три тысячи верст до уезда,
Их мерил нечистый пурговой клюкой,
Баркасом — по соли, долбленкой — рекой,
Опосле путина — пролазы, проезды,
В домашнее след заметай бородой!
Двуглавый орел — государево слово
Перо обронил: с супостатом война!
Затучилась сила — Парфён от гумна,
Земля ячменем и у нас не скудна,
Сысой от медведя, Кондратий с улова,
Вавила из кузни, а Пров от рядна, —
Любуйся, царь-батюшка, ратью еловой!
Допрежде страды мужики поговели,

Отпарили в банях житейскую прель,
Чтоб лоснилась душенька — росная ель
Иль речка лесная — пролетья купель,
Где месяц — игрок на хрустальной свирели.
На праздник разлук привезли плачесю —
Сток песенных трав, словозвучий ладю.
В беседной избе усадить на скамью
Все сказки, заклатья и клады
Устинья Прокопьевна рада!
Она сызмальства по напеву пошла,
Варила настои и пряник пекла,
Орлений, разлапый и писанный тоже.
В невестах же кликана Устьей пригожей.
Как ива под ветром, вопила она —
Мирская обида, полыни волна,
Когда же в оконце двуглавый орел
Заклёкал, что ставится судный престол,
Что книги разгнуты — одна живота,
Другая же смерти, словес красота,
Как горная просинь, повеяла небом...
То было на праздник Бориса и Глеба —
Двух сиринов красных, умученных братом.
Спешилися морем — китищем горбатым —
Подводная баба кричала Ау!
И срамом дразнила: хи-хи да ху-ху.
Но мы открестились от нечисти тинной.
Глядь, в шубе из пены хозяин глубинный,
Как снежная туча, грозит бородой!
Ему поклонились с ковригой ржаной
Да руги собрали по гривне с ладони,
Чтоб не было больше бесовской погони,
Чтоб царь благоверный дождался нас здравых,—
Чай, солнцем не сходит с палат златоглавых
И с башни дозорной глаза проглядел,
А сам, словно яхонт, и душенькой бел!..
Ужо-тко покажем мы врагу прятки,
Портки растеряет в бегах без оглядки!..
Сысоя на тысячу, Вавила же на пять...
Мужик государю — лукошко да лапоть,
А царь мужику, словно ведро, ломоть!
За веру лесную поможет Господь!
И пели мы стих про Снафиду,
Чтоб черную птицу обиду
Узорчатым словом заклать:
Как цвела Снафида Чуриле всласть,
Откушала зелья из чарочки сладкой,
За нею Чурила, чтоб лечь под лампадкой.
Вырастала на Снафиде золота верба,
На Чуриле яблоня кудрявая! —

Эта песня велесова, старая,
Певали ее и на поле Куликовом,—
Непомерное ведкое слово!
Все реже полесья, безрыбнее губы,
Селенья ребрасты, обглоданы срубы,
Бревно на избе не в медвежий обхват,
И баба пошла — процалыжный обряд,—
Платок не по брови и речью соромна,
Сама на Ояти, а бает Коломной.
Отхлынули в хмару леса и поречья,
Взъерошено небо, как шуба овечья,
Что шашель изгрыз да чуланная мышь.
Под ним логовище из труб да из крыш.
То, бают, уезд, где исправник живет,
И давит чугушка захожий народ.
Капралы орут: Ну, садись, мужики!
«Да будет ли гоже, моржу ли клыки
Совать под колеса железному змию?
Померимте, други, котами Россию!»
Лосей смирноглазых пугали вагоны,
Мы короб открыли, подъяли иконы,
И облаком серым, живая божница,
Пошли в ветровисты, где царь да столица
Что дале, то горше... Цигарки, матюг,
Народишко чалый и нет молодух,
Домишки гноятся сивухой
Без русской улыбки и духа!
А вот и столица — железная клеть,
В ней негде поплакать и душу согреть,—
Погнали сохатых в казармы...
Где ж Сирин и царские бармы?
Капралы орут: Становись, мужики!
Идет благородие с правой руки...
Аась, два! Ась, два!
Эх, ты родина — ковыль-трава!..
«Какой губернии, братцы?»
«Русские, боярин, лопарцы!..
«Взгляните, полковник, — королевич Бова!»
«Типы с картины Сурикова...»
«Назначаю вас в Царское Село,
В Феодоровский собор на правое крыло!
Тебя и вот этого парю!..
Наверно, понравится государю.
Он любит пожитный... стебель.
Распорядись доставкой, фельдфебель!»

Господи, ужели меня,
В кудрях из лесного огня?..

Царь-от живет в селе,
Как мужик... на живой земле!..

«Пролетарии всех стран...» Глядь, стрюцкий!
«Не замай! Я не из стран,— калуцкий!»

* * *

Феодоровский собор —
Кувшинка со дна Светлояра,
Ярославны плакучий взор
В путивльские выюги да хмары.

Какой метелицей ты
Занесен в чухонское поле?
В зыбных пасмах медузы — кресты
Средиземные теплят соли.

Что ни камень, то княжья гривна!..
Закомары, печурки, зубцы,
К вам порожей розовой сливной
Приплывали с нагорий ловцы.

Не однажды метали сети
В глубь мозаик, резьбы, янтара
В девятьсот пятнадцатом лете,
Когда штопала саван заря.

Тощ улов. Космы тины да ила
В галилейских живых неводах,
Не тогда ли душа застыла
Гололедицей на полях?!

Только раз принесли мережи
Запеклый багровый ком.
С той поры полевые омежи
Дыбят желчь и траву костолом.

Я прохожий, тельник на шее,
Светлоярной кувшинке молюсь:
Кличь кукушкой царя от Рассеи
В соловецкую белую Русь!

Иль навеки шальная рубаха
И цыганского плиса порты
Замели, как пургою, с размаха
Мономаховых грамот листы?!

Вот он, речки Смородины заводь,
Где с оглядкой, под крики сыча,
Взбаламутила стиркой кровавой
Черный омут жена палача!

Вот он, праведный Нил с Селигера,
Листопадный задумчивый граб.
Кондовая сибирская вера
С мановением благостных пап!

С ним тайга, подорожие ссылок,
Варгузи, пошевеливай вал,
Воровской поселили подпилоч,
Как сверчка, в Александровский зал.

И сверчок по короткой минуте
Выпил время, как тени закат...
Я тебя содрогаюсь, Распутин,—
Домовому и облачку брат!

Не за истовый крест и лампадки,
Их узор и слезами не стерт,
Но за маску рысиной оглядки,
Где с дитятей голубится черт.

Но за лунную глубь Селигера,
Где утопленниц пряжа на дне.
Ты зеленых русалок пещера
В царской ночи, в царицыном сне!

Ярым воском расплавились души
От купальских малиновых трав,
Чтоб из гулких подземных конюшен
Прискакал краснозубый центавр.

Слишком тяжкая выпала ноша
За нечистым брести через гать,
Чтобы смог лебеденок Алеша
Бородатую адскую лошадь
Полудетской рукой обуздать!

* * *

Был светел царский сад,
Струился вдоль оград
Смолистый воздух с медом почек,
Плутовки осы нектар строчек

Носили с пушкинской скамьи
В свое дупло. Казалось, дни
Здесь так безоблачны и сини,
Что жалко мраморной богине
Кувшин наполнить через край.
Один чугунный попугай
Пугает нимфу толстым клювом.
Ах, посмотрел бы Рюрик, Трувор
На эту северную благодать!
Не променяли б битвы сладость
На грот плющевый и они?!
«Я православный искони
И Богородицу люблю,
Как подколотую змею,
Что сердце мне сосет всечасно!
С крутыми тучами, ненастный,
Мой бог обрядней, чем Христос
Под утиральником берез,
Фольговый, ноженьки из воска!
Моя кремнистая полоска
Взборонена когтями...» «Что ты!
Не вспоминай кремешной злоты!
Пусть нивы Царского Села
Благоухают, как пчела,
Родя фиалки, росный мак...»
«А ну ты к лешему, земляк!
Не жги меня пустой селедкой,
Давай икры с цимлянкой водкой,
Чтоб кровью вышибало зубы!..
Самосожженческие срубы
Годятся Алексею в сказки,
Я разотру левкас и краски
Уж не на рябином яйце!
Гнезятся чертики в отце,
Зеленые, как червь капустный,
Ему открыт рецепт искусный,
Как в сердце разводить гусей —
Ловить рогатых карасей —
Забава царская... Ха! Ха!..
Царица же дрожит греха,
Как староверка общей мисы,
Ей снятся море, кипарисы
И на утесе белый крест —
Приют покинутых невест,
И вдов, в покойников влюбленных!
Я для нее из бус иконных
Сварил, как щи из топора,
Каких не знают повара,
Два киселя — один из мысли,

Чтобы ресницы ливнем висли,
Другой из бабьего пупка,
Чтоб слез наплавилась река!..
Вот этот корень азиатский
С тобою делится по-братски.
Надрежь меж удом и лбом,
Где жилы сходятся крестом,
И в ранку, сладостнее сот,
Вложи индийский приворот,
Чрез сорок днейними удильце,
Чтобы пчелою в пьяной пыльце
Влететь, как в улей, в круг людской
И жалить души простотой,
Лесной черемухи душистей,
Что обронила в ключ игристый
Кисейный девичий платок!..
Про зелье знает лишь восток
Под пляс факиров у костра!..
Возьми мой крест из серебра
С мидийской надписью... в нем корень!..
Я прошептал: «Оставь, Григорий!..
Но талисман нырнул в ладони —
И в тот же миг, как от погони,
Из грота выбежал козел,
Руно по бедра, грудью гол,
С загуслым золотом на рожках...
И закопытилась дорожка,
Распутин заплясал с козлом,
Как иволга, над кувшином
Заплакала из камня баба,
У грота же, на ветке граба
Качалась нимфа белой векшей.
И царский сад, уже померкший,
Весь просквозил нетопырями,
Рогами, крыльями, хвостами...
Окrest же сельского чертога
Залег чешуйчатой дорогой
С глазами барса страшный змей.
«Ладони порознать не смей,
Не то малявкой сгинешь, паря!»
И увидал я государя.
Он тихо шел окрай пруда.
Казалось, черная беда
Его крылом не задевала,
И по ночам под одеяло
Не заползал холодный уж.
В час тишины он был досуж
Припасть к еловому ковшу,
К румяной тучке, камышу,

Но ласков, в кителе простом,
Он все же выглядел царем.
Свершилось давнее. Народ,
Пречистый воск потайных сот,
Ковер, сказаньями расшитый,
Где выюги, сирины, ракиты, —
Как перл на дне, увидел я
Впервые русского царя.
Царь говорил тепло, с развальцем,
Купецкий сын перед зеркальцем,
С Коломны — города церковей.
Напрасно ставнями ушей
Я хлопал, напрягая слух, —
В дом головы не лился дух,
И в сердце — низенькой светлице,
Как встарь, молчальницы-сестрицы
Беззвучно шили плат жемчужный.
Свершалось давнее. Семужный,
Поречный, хвойный, избяной,
Я повстречался въявь с судьбой
России — матери матерой,
И слезы застилали взоры, —
Дождем душистый сенокос,
Душа же рощею берез
Шумела в поисках луча,
Бездомной иволгой крича,
Но между рощей и царем
Лежал багровый липкий ком!
С недоуменною улыбкой,
Простой, по-юношески гибкий,
Пошел обратно государь
В вечерний палевый янтарь,
Где в дымке арок и террас
Залег с хвостом змеиным барс.
«Коль славен наш» поет заря
Над петропавловской твердыней
И к милосердной благостыне
Вздывает крылья-якоря.
На шпиге ангел бирюзовый.
Чу! Звякнул медною подковой
Кентавр на площади сенатской.
Сегодня корень азиатский
С ботвою срежет князь Димитрий,
Чтоб не плясал в плющевой митре
Козлообраз в несчастном Царском.
Пусть византийским и татарским
Европе кажется оно,
Но только б не ночлежки дно,
Не белена в цыганском плисе!

Не от мальчишеской ли рыси
Я заплутал в бурьяне черном
И с Пуришкевичем задорным
Варю кровавую похлебку?
Ах, тяжко выкогтить заклепку
Из Царскосельского котла,
Чтоб не слепила злая мгла
Отечества святые очи!..
Так самому себе пророчил
Гусарским красноречьем князь —
В утробу филина садясь,
(Авто не называл Григорий).
И каркнул флюгер: горе, горе!
Беда! Мигнул фонарь воротам.

В ту ночь индийским приворотом
Моя душа — овин снопами,
Благоухала васильками.
И на радении хлыстовском,
Как дед на поле Куликовском
Изгнал духовного Мамаю
Из златоордного сарая,
Спалив поганные кибитки,
Какие сладкие напитки
Сварил нам старец Селиверст!
Круг нецелованных невест
Смыкал, как слезка перстенок,
Из стран рязанских паренек.
Ему на кудри меда ковш
Пролили ветлы, хаты, рожь,
И стаей, в коноплю синицы,
Слетелись сказки за ресницы.
Его, не зная, где опаска,
Из виноградников Дамаска
Я одарил причастной дулей,
Он, как подсолнечник в июле,
Тянулся в знойную любовь,
И Селиверст, всех душ свекровь,
Рязанцу за уста-соловку
Дал лист бумаги и... веревку.
Четою с братчины радельной
Мы вышли в сад седой, метельный,
Под оловянную луну.
«Овсеня кликать да весну
Ты будешь ли, учитель светлый?..
У нас в Рязани сини ветлы,
И месяц подарил узду
Дощатой лодке на пруду —
Она повыглядит кобылой,

Заржет, окатит теплым илом,
Я ж, уцепившись за мохры,
Быстринкой еду до поры,
Пока мой дед под серп померкший
Карасы не расставит верши!
Ах, возвратиться б на Оку,
В землянку к деду рыбаку,
Не то здесь душу водкой мучить
Меня писатели научат!»
«Мой богоданный вещей братец,
Я от избы, резных полатей
Да от рублевской купины,
И для языческой весны
Неуязвим, как крест ростовский,
Мужицкой верой беспоповский,
Мой дух в апостольник обряжен:
Ни лунной, ни ученой пряжей
Его вовек не замережить!..
Но чу! На Черной речке скрежет —
В капкане росوماхи стон!..
Любезный братец, это он,
В богатых тобольских енотах,
В губе сугроба, как в воротах,
Повис над глыбкой полыней!..
«Учитель светлый, что с тобой?
Не обнажайся на морозе!..
Быть может, пьяница в навозе,
В тени косматого ствола!..
Ему не виделось козла,
Сатир же под луною хныкал,
И снежной пасмой павилика
Свисала с ледяных рогов...
Под мост, ныряя меж быков
И метя валенком в копыто,
Достигли мы губы-корыта,
Где, от хорька петух в закуте,
Лежал дымящийся Распутин!
Кто знает зимний Петербург,
Исхлестанный бичами пург
Под лунной перистой дугой,
Тот видел душ проклятых рой,
И в полыньях скелетов пляски.
В одной костяк в драгунской каске,
На Мойке, в Невке... Мимо, мимо!
Их съели раки да налимы!
«Григорий, что ли?!» И зрачок —
В пучине рыбий городок
Раскрыл ворота — бочку жира,
Разбитую на водной шири —

Крушенья знак и гиблых мест.
«Земляк... Спаси!.. Мой крест!.. Мой крест!
Не подходи к подножной глыбе,
Не то конец... Прямая гибель!..
Держуся я, поверь на слово,
За одеяние Христово.
Крестом мидийским целься в скулы...
Мотри вернее!..» Словно дуло,
Навел я руку в мгlistый рот,
И... ринул страшный приворот!
Со стоном обломилаcь льдина...
Всю ночь пуховая перина
Нас убаюкать не могла.
Меж тем из адского котла,
Где варятся грехи людские,
Клубились тучи грозовые.
Они ударили нежданно,
Кровавою и серной манной
В проталый тихозвонный пост,
Когда на Вятке белят холст,
А во незнаемой губернии
Гнут коробё да зубят гребни,
И в стружках липовых лошкарь
Старообрядческий тропарь
Малюет писанкой на ложке!
Ты показал крутые рожки
Сквозь бранный порох, козлозад,
И вывел тигров да волчат
От случки со змеей могильной!
России, ранами обильной,
Ты прободал живую печень,
Но не тебе поставит свечи
Лошкарь, кудрявый гребнедел!
Есть дивный образ, ризой бел,
С горящим сердцем, солнцеликий.
Пред ним лукошко с земляникой,
Свеча с узорным куличом!
Чтоб не дружить вовек с сычом
Малиновке, в чьей росной грудке
Поют лесные незабудки!

* * *

Двенадцать лет, как пропасть, гулко страшных
Двенадцать гор, рассеченных на башни,
Где колчедан, плитняк да аспид твердый,
И тигров ненасытных морды!
Они родятся день от дня

И пожирают то коня,
То девушку, то храм старинный
Иль сад с аллеей лунно-длинной.
И оставляют всюду кости,
Деревья и цветы в коросте,
Колтун на нежном винограде,
С когтями черными в засаде.
О горе, горе! — воет пес,
О горе! — квохчет серый дрозд,
Беда, беда! — отель мычит,
Бедою тянет от раки.
Вот ярославское село —
Недавно пестрое крыло
Жар-птицы иль струфокамила,
Теперь же с заступом могила
Прошла светелками, дворами...
По тихой Припяти, на Каме,
Коварный заступ срезал цвет,
И тигры проложили след.
Вот нива редкою щетиной,
В соломе просквозила кровь,
(Посев не дедовский старинный —
Почтить созвучием — любовь,
Как бирюзой дешевку ситца,
Рублевской прориси претится).
Как будто от самой себя
Сбежала нянюшка-земля,
И одичалое дитя,
Отростив зубы, волчий хвост,
Вцепилось в облачный помост
И хрипло лает на созвездья!..
Вон в берендеевском уезде
За ветроплясом огонек —
Идем, погреемся, дружок!
Так холодно в людском жилье
На Богом проклятой земле!..
Как ворон, ночь. И лес костляв.
Змеиные глаза у трав.
Кустарником в трясине руки —
Навеки с радостью в разлуке!
Вот бык — поток, рога — утес,
На ребрах смрадный сенокос.
Знать, новоселье правят бесы
И продают печенку с весу,
Кровавых замыслов вязигу.
Вот адский дяк читает книгу,
Листы из висельника кожи,
Где в строчках смерть могилы множит
Безкрестные, как дом без кровли!..

Повышла Техника для ловли,—
В мереже, рыбами в потоке,
Индустриальные пороки —
Молитва, милостыня, ласка,
В повойнике парчевом сказка
И песня про снежки пушисты,
Что ненавидят коммунисты!
Бежим, бежим, посмертный друг,
От черных и от красных выюг,
На четверговый огонек,
Через Предательства поток,
Сквозь Лес лукавых размышлений,
Где лбы — комолые олени
Тучны змеиною слюной,
Там нет подснежников весной,
И к старым соснам, где сторожка,
Не вьется робкая дорожка,
Чтоб юноша купал ресницы
В смоле и яри до зарницы,
Питая сердце медом встречи...
Вот ласточки — зари предтечи!
Им лишь оплакивать дано
Резное русское окно
И колоколен светлый сон,
Где не живет вечерний звон.
Окно же с девичьей иголкой
Заполыхало комсомолкой,
Кумачным смехом и махрой
Над гробом матери родной!
Вот журавли, как хоровод,—
На лапках костромских болот
Сусанинский озимый ил,
Им не хватило птичьих сил,
Чтоб заметить пухом ширь,
Где был Ипатьев монастырь.
Там виноградарем Феодор,
В лихие тушинские годы,
Нашел укромную лозу
Собрать алмазы, бирюзу
В неуязвимое точило...
«Подайте нам крупцу ила,
Чтоб причаститься Костромой!»
И журавли кричат: «Домой,
На огонек идите прямо,
Там в белой роще дед и мама!»
Уже последний перевал.
Крылатый страж на гребне скал
Нас окликает звонким рогом,
Но крест на нас, и по острогам,

С хоругвями, навстречу нам
Идет Хутынский Варлаам,
С ним Сорский Нил, с Печеньги Трифон,
Борис и Глеб — два борзых грифа,
Зареет утро от попон,
И Анна с кашинских икон —
Смирненное тверское поле.
С пути отведать хлеба-соли
Нас повели в дубовый терем...
Святая Русь, мы верим, верим!
И посохи слезами мочим...
До впадин выплакать бы очи,
Иль стать подстрешным воробьем,
Но только бы с родным гнездом,
Чтоб бедной песенкой чи-ри
Встречать заутреню зари.
И знать, что зернышки, солому
Никто не выгонит из дому,
Что в сад распахнуто давно
Резное русское окно,
И в жимолость упали косы!..

На Рождество Богородично. 1931 <...>

СЛОВАРЬ-КОММЕНТАРИЙ

Мы отнеслись к тексту предельно бережно и лишь в необходимых случаях приблизили орфографию и пунктуацию к современным нормам. В ряде мест сохранено авторское, особенное написание слов, чтобы не нарушить звучание и вкус клюевской речи. Конъектуры в публикуемом тексте обозначены угловыми скобками.

А б а з — священнослужитель у мусульман.

А к с а м и т — бархат.

А л и с а ф и я — Елисава, Елизавета — царевна, которую Егорий спасает от змея.

А п о с т о л ь н и к — плат, которым монахи прикрывают грудь и шею.

Б а р м ы — оплечье, ожерелье на торжественной одежде.

Б р а т и н а — большая общая чаша для питья или еды.

В а р г у з и — баргузин, северо-восточный ветер на Байкале.

В е к ш а — белка.

В и ф е з д а — купальня, где исцелялись больные и где, по Евангелию, Иисус исцелил человека, болевшего тридцать восемь лет.

В я з и г а — спинное сухожилие осетровых рыб. С вареной вязигой пекут пироги.

Г о л у б е ц — могильный деревянный крест с двухскатной кровелькой.

Д у в а н — дележ и место дележа награбленного добра; сильный порывистый ветер, вихрь.

З л а т н и ц а — золотая монета, вещь.

К а н и ф а с — льняная полосатая ткань.

К а у р ы й — светло-бурый с желтизной, рыжеватый.

К и р ь г а — то же, что кирка.

К о т ы — здесь верхняя мужская обувь, надеваемая как калоши поверх сапог.

Л е в и а ф а н — библейское чудовище.

М е д ы н ь — луговая трава с медовым запахом.

О б ь я р ь — шелковая ткань с отливом.

О в с е н я к л и к а т ь — обряд обхода дворов с заклинательными песнями. Овсень — языческое божество.

О м е ж а — плуг, сошник.

П а с м а — пасмо, моток пряжи.

П е с т р я д н о й, п е с т р я д и н н ы й — пестрядь — домотканая ткань из крашенных ниток.

П о в о й н и к — головной убор замужней женщины.

П о с о л о н ь — в направлении по ходу солнца.

Р у г а — податная плата на содержание священнослужителей.

Р я д н о — грубый холст из льняной или пеньковой пряжи.

Светлояр — святое озеро в Нижегородской обл., в которое, по преданию, погрузился град Китеж.

Сирин — райская птица радости.

Сливна — от слив, сливание рек.

Стожары — народное название разных созвездий и северного сияния; другое значение — шести для укладки сена.

Стратилат Федор — святой великомученик.

Струфокамил — страус.

Стрюцкий — дрянной, презренный.

Сулица — копье.

Сутема — ранние вечерние сумерки.

Тельник — нательный крест.

Финист — сказочная птица-оборотень.

Финить — то же, что финифть, эмаль на металле.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виталий Шенталинский. Вестник Китеж-града</i>	<i>2</i>
ПЕСНЬ О ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ. Фрагменты поэмы	7
Словарь-комментарий	30

КЛЮЕВ Николай Алексеевич

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ

Фрагменты поэмы

Составление, подготовка текста и публикация В. А. Шенталинского

Редактор Б. Д. Минаев

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 19.08.91. Подписано к печати 27.09.91. Формат 70 × 108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 2,16. Тираж 81000 экз.
Зак. № 808. Цена 20 коп.

Типография издательства «Правда».
125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ «Тайна земли обетованной»;
А. ПЛАТОНОВ «Технический роман»;
В. КАРДИН «К вопросу о белых перчатках»;
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ «РОССИЯ—POESIA»;
В. ТОКАРЕВА «Старая собака»;
З. ГИППИУС «Последние стихи»;
В. ЕРОФЕЕВ «Попугайчик»;
Ф. ИСКАНДЕР «Поэты и цари»;
А. ХУРГИН «Лишняя десятка»;
Н. ИЛЬИНА «Власть тьмы»;
Н. КОРЖАВИН «Письмо в Москву»;
П. СТРУВЕ «Скорее за дело!»;
Л. РАЗГОН «Перед раскрытыми делами»;
Б. СЛУЦКИЙ «О других и о себе»;
Б. АХМАДУЛИНА «Побережье»;
Д. БАКИН «Цель»;
В. СОЛОУХИН «Наваждение»;
Л. ПЛЕШАКОВ «Как трудно стать самим собой».